

И.И. Панаев

Белая горячка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
И11

И11 **И.И. Панаев**
Белая горячка / И.И. Панаев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 76 с.

ISBN 978-5-4241-3384-8

" -- Повесть! В этих повестях все такие сатиры и ничего нет правдоподобного.

Даже, поверите ли, иной раз обидно читать.

-- Да, они -- эти сочинители, не умеют совсем списывать с натуры; все они пишут

точно в белой горячке.

-- Можно, я вам скажу, и с натуры списывать, но так, чтоб не было обидно и чтобы

нельзя было принять на свой счет".

(Разговор в гостиной г-жи Г*)

"С кого они портреты пишут? Где разговоры эти слышат?. . ."
(Лермонтов)

ISBN 978-5-4241-3384-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© И.И. Панаев, 2021

Иван Иванович Панаев
Белая горячка

Повесть

" - Повесть! В этих повестях все такие сатиры и ничего нет правдоподобного. Даже, поверите ли, иной раз обидно читать.

- Да, они - эти сочинители, не умеют совсем списывать с натуры; все они пишут точно в белой горячке.

- Можно, я вам скажу, и с натуры списывать, но так, чтоб не было обидно и чтобы нельзя было принять на свой счет".

(Разговор в гостиной г-жи Г*)

"С кого они портреты пишут? Где разговоры эти слышат?.."

(Лермонтов)

I

Несколько лет назад, - и может быть, некоторые из читателей моих вспомнят об этом, - на выставке Академии художеств обратили на себя всеобщее внимание две картины: одна изображала Ревекку у колодца, другая какую-то девушку в белом платье, очень задумчиво и чрезвычайно поэтически сидевшую на крутом берегу какой-то реки, в ту самую минуту, когда вечерняя заря уже потухла и вечерние пары, медленно поднимаясь от земли, покрывали и горы, и лес, и луга, и воду синеватою дымкою. Правда, многие находили, что в лице Ревекки и в лице этой задумчивой девушки одни и те же черты, одно и то же выражение, и приписывали такое странное сходство недостатку творчества в художнике. Но, несмотря на это, всякий день, во все продолжение выставки, около этих картин была давка. Перед этими картинами останавливались - и чиновница в кожаных ботинках со скрипом, и нарумяненная барыня в шляпке с перьями, с удивительными и восклицательными междометиями, и дама большого света, никогда ничему не удивляющаяся, и канцелярский чиновник в черной атласной манишке со складочками, и его редковолосый начальник со Станиславом, развешенным на груди, и fashionable лорнетом в глазу, и конноартиллерийский армейский офицер ужасающего роста в очках, и маленький инженер, рассуждающий о науках и танцующий по воскресеньям на вечеринках у статских и других советников, и кавалерист, военный денди - неперменное лицо на всех балах и раутах, и вертлявая горничная с Английской набережной, в шляпке, с затынутой талией, воспитанная в магазине г-жи Сихлер, и толстая девка от Знаменая, недавно привезенная из деревни. У этих двух картин толпились все эти лица, фигуры и фигурки, которые вы, я и все мы ежедневно встречаем на Невском проспекте, на этой вечной петербургской выставке.

Отчего же эти две картины привлекли такое лестное, одобрительное внимание целого народонаселения Петербурга? Принадлежали ли они к тем эффектным произведениям живописи, которые невольно поражают с первого взгляда и не знатоков? Была ли это дань удивлению и восторгу истинно-художественным произведениям?

Картины точно были эффектны, и эта эффектность происходила от оригинальности их освещения; к тому же выпуклость фигур, казалось, выходящих из полотна, резко бросалась в глаза всякому, а свежесть зелени, на которую художник, видно, не пощадил краски, приводила большинство в невыразимый восторг. Такие достоинства должны были не шутя выдвинуть эти картины на первый план. Пройдя несколько зал, установленных портретами, ландшафтами, снятыми с довольно плоской и незатейливой местности, да историческими картинами, в которых фигуры группировались с симметрической точностью, словно размеренные по циркулю, и вместе с тем отличались безукоризненными академическими позами, - и бегло обозрев все эти произведения, зритель чувствовал, что в голове его делался претрашный хаос, в глазах у него рябило, а ноги подгибались от усталости... Наконец, запыхавшись, о блаженство! он достигал до последней залы; чтобы перевести дух, сел на окно, и вдруг, вовсе неожиданно, поражала его зрение чудная еврейка, красавица, грациозно стоявшая у колодца, на которую, право, можно было заглядеться и после великолепной

картины Горация Вернета... Утомленное внимание зрителя при взгляде на еврейку возбуждалось снова, и он с участием подходил к картине, чтобы хорошенько рассмотреть ее. А рядом с еврейкою - другая картина, девушка на берегу реки в сумраке вечера... Стоило взглянуть в эту картину: в ней открывалось столько таинственного и бесконечного...

Однако не без основания можно положить, что успех этих обеих картин объяснялся еще тем, что они стояли в зале перед самым выходом. Последнее впечатление, каково бы оно ни было, всегда сильнее первого, и память, растерявшаяся во множестве пестрых явлений, мелькавших перед глазами, не сохранившая ни одного штриха, ни одной черты, ни одного образа, радехонька хвататься за последний предмет, особенно если этот предмет поразил не одни глаза, а хоть сколько-нибудь подействовал на душу. Странное дело! память никогда не верит одним глазам!..

Надобно при этом взять в расчет и то, что прогулка по залам должна была возбудить аппетит у каждого, а от этих двух последних картин сейчас можно было перейти к завтраку или к обеду.

Таким точно образом, после прогулки на выставке, за превосходным завтраком, который был состряпан истинно художнически, при четвертой бутылке шампанского, несколько известных любителей и покровителей искусств решили, что живописец, написавший Ревекку и Девушку на берегу реки, должен быть талант необыкновенный.

Эти господа, светские любители и покровители, пользовавшиеся самою блестящею славою в петербургском большом свете, прожившие много лет и много тысяч в чужих краях, вывезшие оттуда великолепные альбомы, сами сделавшие несколько эскизов карандашом и претендовавшие на звание почетных членов Академии художеств, объявили во всеуслышание о новооткрытом ими таланте. "Талант! А-а! в самом деле талант? - заговорили дамы. - Кто он?" "Ах, боже мой, что за восхитительные картины... этакая прелесть! Как же живо и натурально, ах, ах! - кричали барыни.

- Да что он? да где он?.."

"Торжествуйте, г. живописец! счастье обратилось к вам своим лицом и улыбается вам; вы восстаете из мрака неизвестности и выходите на свет божий, а это очень приятно!" - думал я, ходя по залам выставки, останавливаясь порой перед этими двумя картинами, так понравившимися публике, и прислушиваясь к суждениям знатоков и любителей об искусстве вообще и об этих картинах в особенности.

Такого рода занятие мне очень понравилось: бывало, только что встану и напьюсь чаю, сейчас же на выставку, и не замечу, как пройдет утро.

Всего более я любил гулять в больших залах, установленных портретами... Сначала, правда, мне показалось странно, каким образом более или менее удачные копии с более или менее известных физиономий удостоились чести быть на выставке художественных произведений? Какое до них дело искусству?.. Но впоследствии я оставил в стороне эти вопросы и с большим любопытством и наслаждением принялся рассматривать выставленные физиономии.

Однажды, когда я стоял перед портретом одного из тех красавцев, которые восхищают барынь и которых они обыкновенно называют бель-омами, и любовался его победоносными глазами и цепочкой с супиром, мне пришла в голову

мысль, что, должно быть, удивительно весело родиться на свет красавцем и вырасти на славу себе, на украшение мира и на утешение барынь.

- Осип Ильич! слышишь, Осип Ильич! - вдруг раздался женский довольно решительный голос возле моего правого уха, - посмотри сюда, вот на этот портрет... Да куда ты смотришь? Налево... ну, вот. Уж красота, можно сказать, что красота! да и цепочка какая дорогая! должен быть миллионер!

- Славная цепочка! - возразил мужской нерешительный голос, - и с каким вкусом жилетка... Заметьте жилетку, Аграфена Петровна...

Я обернулся, чтобы посмотреть, кто делал эти остроумные замечания, и увидел подле себя толстую и низенькую женщину в чепце, в персидском платке, с кожаным ридикюлем, и ее кавалера, также небольшого роста, седенького, в вицмундире.

Эта барыня продолжала, обращаясь к своему кавалеру:

- Что, Осип Ильич, ведь работа-то почище Алексашенькиной? бархатец на жилетке каково сделан?

- Бесподобно, бесподобно! нечего говорить! Однако слышал я большие похвалы и его картинам, и слышал от людей солидных.

- Не верится что-то; да где же они, мы еще до сих пор их и не видали?

- Видно, подальше, в других залах. Пойдемте.

И они отправились далее. Я ввел за ними. Что это за Алексашенька? Мне также захотелось посмотреть его картины...

Я проходил залу за залой и должен был беспрестанно останавливаться перед различными картинами, выслушивать критические рассуждения барыни о достоинствах и недостатках этих картин и подобострастные, осторожные замечания ее кавалера.

Мне уж стала надоедать прогулка за этими господами; барыня также начала изъяслять громогласно свое нетерпение, не видя Алексашенькиных картин, и явно сердилась на своего спутника... "Ну, да где же его-то картины?" - вскрикивала она. - Видно, тебя обманули: их совсем нет, да куда ему и соваться с своей работой..."

Наконец мы достигли до последней залы. В этой зале, как и во все продолжение выставки, была страшная теснота. Барыня с ридикюлем отвалено продиралась сквозь толпу, кавалер ее следовал за нею, а я за кавалером. Она впереди всех остановилась перед "Ревеккою", почти у самой рамы, и посмотрела вниз на бумажку с надписью. На этой бумажке было написано большими буквами: Г. Срезневского.

Барыня прочла надпись и замахала рукой своему кавалеру: "Сюда, сюда, поближе! ну, да пробирайся же!" Кавалер с большими усилиями подошел к ней. Я остановился немного в стороне, так, что мог их видеть и слышать их разговор. Минуты три пристально разглядывали он и она эту картину; потом она обернулась к нему, на лице ее заметно было волнение; и он обернулся к ней; его желтое и сморщенное личико остолбенело, в его мутных глазках и выразилось что-то похожее на недоумение...

Она воскликнула: "Осип Ильич?"

Он прошептал: "Аграфена Петровна?"

Она указала пальцем на Ревекку:

- Ведь это покойница? Он покачал головой:

- Покойница.

- Каков, сударь, Алексашенька-то? Он все покачивал головой:

- Да, да, да! две капли воды.

Так вот кто Алексашенька! Я стал еще внимательнее прислушиваться к этому странному разговору, но в эту минуту толстый и высокий господин с лысиной очутился возле Аграфены Петровны.

- Аграфена Петровна, Осип Ильич! - воскликнул он басом, немного в нос...

- Семен Федорыч! приятная встреча.

- Что, как вам нравятся картины? Есть, я вам скажу, дорогие, просто дорогие, но лучше всех вот эти две, они одним живописцем написаны. Прелесть, просто прелесть! Кисть этакая мягкая, так все соблюдено; видно, что списывал с натуры...

- И, батюшка Семен Федорыч! да что в них особенно хорошего? Я и живописца этого знаю; такой дрянненький... Разве и другая-то его же картина?

- Его, - а славная вещь, просто славная!

Аграфена Петровна начала рассматривать "Девушку на берегу реки" и чрез минуту, указав на нее пальцем, закричала:

- Осип Ильич, знаешь ли что? Ведь и это покойница.

- Хм! - произнес Осип Ильич, - покойница! только та, - он указал на "Ревекку", - больше похожа на покойницу.

- Все единственно...

- Какая покойница? - с удивлением спросил господин с лысиной и, посмотрев вниз на Осипа Ильича, продолжал: - Не хотите ли табачку? у меня отличный, просто отличный табак-рапе.

Он вынул из бокового кармана табакерку золотую с эмалью.

- Разве я не рассказывала вам этой истории?... Ах, Семен Федорыч, какая у вас табакерка!... дорога, я думаю?

- Да, ценная вещичка; эмаль какая, посмотрите: тончайшая отделка, просто тончайшая. Я купил ее на аукционе, она принадлежала князю Л.; у меня их и не одна, правду сказать; я собираю коллекцию.

- Весело носить эту такую табакерку! - вздыхая, промолвила Аграфена Петровна.

- А про какую это историю вы говорите?... Какая покойница? Тут на картинах нет никакой покойницы.

- Ах, батюшка Семен Федорыч! все мы смертные: придет и наш час. И ее уж нет, сердечной. Вот больше двух лет, как умерла.

- Да про кого это вы рассказываете, Аграфена Петровна?

- Про дочку нашего генерала. Славная была девушка, умница, обо всем знала.

Бывало, как сидишь с ней, чего она не порасскажет... да, видно, лукавый попутал: сбилась, совсем-таки сбилась, ни за что пропала!.. Уж он за нее на том свете поплатится.

- То есть кто он?

- Да вот этот живописишка. Ведь хотя он мне и родственник причитается, да бог с ним, я давно на него и рукой махнула и знать не хочу. Пропадай он совсем! Как лукавый-то попутал ее, она и влюбилась в него...

Осип Ильич в продолжение этого рассказа боязливо озирался вокруг, чтобы кто-нибудь не подслушал речей Аграфены Петровны.

- Влюбилась! Знаем мы эту любвишку, была и я молода, все мы были молоды, да спасибо родителям: дурь из головы как раз выколачивали. Вот видите ли, тогда жива была старушка, его мать; с полгода назад она умерла. Бог-таки наказал его!.. Жили они в бедности: сами знаете, в этом звании скоро ли наживешь копейку! А она, Софья-то Николаевна, дочка-то генеральская, под видом добродетели и ходила всякий день навещать старушку, - вишь хитрость какая! Тут они и сошлись покороче, а он и списал с нее эти портреты, и ведь потрафил, просто как на живую смотришь, да еще и теперь не посовестился выставить в публичное место, - бессовестная душа!.. Я провела тогда об их шашнях, все и порассказала генеральше, - она так и ахнула! Что же, батюшка Семен Федорыч? все поздно было: Софья-то Николаевна вскоре и отдала богу душу.

- Ах, какая история! - воскликнул господин с лысиной. - Чего не бывает, подумаешь, на свете!

В эту минуту чья-то рука опустилась на мое плечо. Я посмотрел назад: то был мой старый приятель и товарищ.

- Хочешь познакомиться с Средневским?

"Как нельзя кстати", - подумал я. - Разумеется, хочу.

- Пойдем же со мной.

Живописец, эпизод из жизни которого - верный или неверный - я так нечаянно выслушал, стоял в соседней зале в амбразуре окна и благоговейно внимал рассказам длинного человека в предлинном сюртуке. Подходя к окну, я слышал только несколько слов, дидакторски произнесенных:

- Художник! великое слово... В этом слове вся эссенция человеческой мудрости.

Страшно шутить этим словом. Вот, посмотри хоть бы эту картину - хорошо, а нет этого, - и длинный человек сжал пальцы правой руки и выставил эту руку вперед, вероятно, чтобы яснее показать, чего нет и что такое - это.

Я познакомился с Средневским. Он застенчиво поклонился мне и, заговорив со мной, покраснел... Лицо его было довольно полно, черты неправильны, но приятны, белокурые волосы его вились от природы. Его черный сюртук был довольно поношен и, казалось, сшит не по нем, а куплен готовый; он держал в руке шляпу, порыжелую и истертую, и смотрел на длинного человека, как ученик смотрит на учителя.

Длинный человек продолжал:

- Ты талант, торжественно тебе объявляю - и публика уже оценила твои картины.

Твой успех несомненен. Иди смело вперед. Ты будешь ближе всех к Доминикино, а

Доминикино великий мастер. Дай бог только быть тебе счастливее его в жизни.

И длинный человек, проговоря это, взял руку молодого живописца и многозначительно пожал ее.

Живописец покраснел до ушей и несвязно лепетал что-то, повертывая в руке свою истертую и порыжелую шляпу.

II

Во время оно я посещал литературные общества. Вы, невинный читатель мой, верно, не подозреваете, что у нас в России это самые приятнейшие из всех обществ.

Соберутся шесть или семь человек стихотворцев и прозаиков; несколько любителей, офицеров и статских, в том числе один или два артиста. Офицеры - по большей части пехотные и морские, особенно морские: они невообразимые охотники до литературы. Статские все в очках, глубокомысленной наружности. Комната не слишком большая, не слишком маленькая. Все эти господа пускают изо рта страшные тучи дыма и пьют чай в стаканах с лимоном. Литераторы первого разряда и статские в очках курят сигареты, литераторы второго разряда и пехотные офицеры - жуковский табак... Облака дыма носятся по комнате и застилают две лампы, без того довольно тускло горящие. Все физиономии в тумане; дым придает этой картине что-то неопределенное и до слез щиплет глаза. Разговоры чудо как занимательны:

- Тебя разругали в таком-то журнале.
- Да и черт знает за что, братец! Я ничего его не сделал. Он задирает первый.
- А тебя расхвалили?
- Ты счастлив, тебя вечно гладят по головке!
- Твои последние стихи - прелесть, братец!
- Ваша повесть мне очень понравилась.
- По двести рублей за лист. - Сколько мы вчера пили!
- Скажите, кого выставили вы в вашей повести? - Никого; это лица вымышленные.
- Неужели? а я думал, что вы с кого-нибудь списали... - Я придерживаюсь напитков слабых, как-то мадеры, портвейна...

В таких разнообразных и поучительных разговорах время проходит незаметно; посмотришь на часы - и уж далеко-далеко за полночь.

И вот, в один прекрасный вечер, недели три после закрытия выставки, я попал в такое сборище. Там между прочими нашел я и нового знакомого моего, живописца. Он, несмотря на огромный успех своих картин, о которых говорили и кричали повсюду, сидел еще скромно в уголку и смиренно покуривал вакштаф из длинного деревянного чубука.

Я подсел к нему.

Он протянул мне руку очень искренно и дружески, будто век был знаком со мной.

- Я все собирался к вам в мастерскую. Ваши картины, которые были на выставке, еще у вас...

- Да, они еще у меня, - отвечал он, посмотрев на меня, - многие желают приобрести их и дают мне такую цену, которой они вовсе не стоят, но мне жаль расстаться с ними.

"Это очень понятно, и мне более, чем кому-нибудь", - подумал я. Я вспомнил невольный рассказ барыни о генеральской дочке, подслушанный мною на выставке. Мне хотелось узнать, до какой степени этот рассказ вероятен.

- Не покажется ли вам странным и нескромным мое замечание? - начал я эту

истертой фразой. - Меня, и, впрочем, не одного меня, поразило сходство лица вашей "Ревекки" с лицом девушки на другой картине. - И, сказав это, я пристально посмотрел на него.

Он вспыхнул и смешался.

- Да, это правда, это большой недостаток... Это... - И он не мог ничего сказать более.

- "Э-ге! да, видно, барыня-то не совсем солгала..." - Его смущение мне, однако, очень понравилось. Он, кажется, еще слишком молод и, по-видимому, жил в большой бедности. Что же? это ничего: года через два разбогатеет да пооботрется в обществе, понасмотрится и поприслушается, а там и перестанет краснеть... Не вечно же кутаться и прятаться в детских пеленках; право, чем скорей, тем лучше сбросить с себя все эти забавные украшения и сойтись лицом к лицу с действительностью...

- Так вы решительно не хотите расставаться с вашими картинами?

- Может быть, я нехотя должен буду расстаться с ними. Не знаете ли вы князя Б*?

- Нет, не знаю.

- Он приехал сюда на время, а живет постоянно в Москве... Князь так добр и так расположен ко мне: он раза два или три в неделю посещает мою бедную мастерскую и непременно хочет иметь мои картины, - а ему, которому я, в короткое время знакомства, обязан многим, ему отказать мне совестно...

В эту минуту один из морских офицеров подошел к художнику.

- Чем изволите заниматься теперь? - спросил он его.

- Оканчиваю два портрета.

- Чьи-с?

- Генерал-адъютанта Ф* и графини К*.

"Прекрасно! - подумал я, - в добрый час! он начал славно". Я еще что-то хотел подумать, но вдруг в передней раздался звонок с такою силою, что многие вздрогнули. Дверь отворилась, и в комнату вошел мерными шагами тот длинный человек, которого я видел на выставке. Бегло взглянув на всех и еще не кланяясь никому, он подошел к молодому художнику.

- Очень рад, что нашел тебя здесь. Мы только сейчас говорили о тебе в большом обществе, где были почти все дамы. Ты их с ума свел своими картинами. У дам тонкий, эстетический вкус. Я восторгу дам верю более, нежели рассуждению иного ученого критика. Да!..

Произнеся это, длинный человек обратился ко всем. - Здравствуйте, господа!

-

Здравствуй, душа моя! здоров ли ты? - Здравствуйте! - раздавалось со всех сторон, и все подходило к длинному человеку и протягивали ему руки, и он всем приветливо улыбался. Три офицера и один статский молча поклонились ему.

Четвертый офицер подошел к статскому в очках и, толкнув его под бок, тайственно шепнул ему, указывая глазами на длинного человека: "Вот, mon cher, ум-то и талант! У, у, у! У него обо всем такие оригинальные суждения; послушай его... А сведения какие! Он, кажется, всю ученость проглотил".

- Хозяин дома, поди сюда! - продолжал длинный человек, нахмутив брови и между тем улыбаясь едва заметно. - Ну, прежде всего поцелуемся. Вот так: а потом я всем скажу слово. Присядьте-ка, господа.